

УДК [159.942:159.922]:[82-32:821.111]

UDC [159.942:159.922]:[82-32:821.111]

**ЭМОЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВЫЕ
ДОМИНАНТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
СОЗНАНИЯ В РАССКАЗАХ Э. А. ПО
И К. Э. СМИТА****EMOTIONAL AND SENSIBLE
DOMINANTS OF ARTISTIC
CONSCIOUSNESS IN STORIES BY
E.A. POE AND C. A. SMITH**

Е. В. Тарасова,
*кандидат филологических
наук, доцент, доцент кафедры
иностранных языков Белорусского
государственного педагогического
университета имени Максима Танка*

E. Tarasova,
*PhD, Associate professor
of the department of foreign
languages of Belarusian State
Pedagogical University named
after Maxim Tank*

Поступила в редакцию 16.04.2024.

Received on 16.04.2024.

Художественно-образное освоение мира американскими писателями продемонстрировало общие «сгустки» смыслов, значимых смысловых полей независимо от их мировоззренческих позиций, творческих принципов, социально-политических обстоятельств. Художественное сознание Э. А. По и К. Э. Смита осуществляется в слове, эмоциональном, семантически и символически значимом. Внимание писателей к психическим процессам в человеческом сознании актуализирует проблему бессознательного и подсознательного на примере страха перед страхом преждевременного погребения человека. В желании Э. А. По и К. Э. Смита проникать в глубины человеческого «я», к скрытой сущности мира личности видится стремление в художественной форме отразить духовные константы бытия.

Ключевые слова: Э. А. По, К. Э. Смит, художественное сознание, страх, катаlepsis, художественная проза.

The artistic and imaginative exploration of the world by American writers demonstrated common “clumps” of meanings, significant semantic fields, regardless of authors’ ideological positions, creative principles, and socio-political circumstances. Artistic consciousness of E.A. Poe and C.A. Smith is carried out in a word that is emotional, semantically and symbolically significant. The attention of the writers to mental processes in human consciousness discloses the problem of the unconscious and subconscious using the example of fear of the fear of premature burial. E.A. Poe and C.A. Smith desire to penetrate into the depths of the human self, to the hidden essence of the world of the individual, and to reflect the spiritual existence of a man in artistic form.

Keywords: E. A. Poe, C. A. Smith, artistic consciousness, fear, catalepsis, fiction.

Во все времена человечество одержимо поисками возможностей жить вечно, однако человек, будучи существом разумным, на определенном этапе своего существования осознает конечность земной жизни. Порой мысли о страхе смерти принимают немислимые формы и ведут человека к саморазрушению. Особенно опасным является чувство страха быть заживо погребенным, оно уходит своими корнями в глубь веков. Римский писатель Плиний Старший отмечал: «Таково состояние человечества, и так неопределенны человеческие суждения, что они не могут определить даже саму смерть» [1]. В далекие древние времена констатировать факт человеческой смерти было непросто, поэтому страх проснуться в гробу был довольно распространенным явлением. Этот страх получил название тафофобия и достиг апогея в XIX веке, тогда была основана Лондонская ассоциация по предотвращению преждевременного захоронения, появившаяся в связи с нестрогими британскими стандартами сертификации смерти [1]. До появления современной медицины ошибочные захоронения

происходили по причине неточного медицинского диагноза. Страх быть погребенными заживо преследовал таких известных писателей, ученых, политических деятелей, как Э. А. По, Н. В. Гоголь, А. Шопенгауэр, З. Фрейд, Дж. Вашингтон, и этот их страх порой находил воплощение в творчестве, где в художественной форме творческая личность постигала и отражала скрытые сущности мира, духовные константы бытия.

Художественное сознание представляет собой духовную основу искусства, оно понимается как «результат и продукт духовного (идеального) освоения мира» [2]. Исследователь Л. А. Закс в монографии «Художественное сознание» дает следующее определение понятию: «социокультурно обусловленный идеальный субстрат (основание) и механизм (способ) художественнообразного освоения мира, система идеальных структур, порождающих, программирующих и регулирующих художественную (творческую и восприимательскую) деятельность и ее продукты» [2]. Художественное сознание реагирует на социальные и культур-

ные изменения общества и трансформирует их в субъективное мироотношение. Художественное познание мира обладает огромными возможностями, поскольку художник через творческую деятельность «прорывается к радикально новым горизонтам понимания мира и человека» [2]. Следует отметить, что художественная литература в ужасных сценариях смерти нашла благодатную почву для исследования психологии человека и сложнейших процессов его мыслительной деятельности.

Факты опасений общества по поводу преждевременных захоронений существовали в Британии с XVIII в. [3]. Возможность принять подобное трансу состояние за смерть побуждало людей изобретать «безопасные» гробы, оснащенные сигнальными устройствами, которые мог активировать проснувшийся [4]. Эти общественные страхи сподвигли многих писателей на размышления об ужасах пробуждения человека после погребения. Стоит вспомнить наиболее известные произведения Эдгара Аллана По на эту тему «Преждевременные похороны» (*The Premature Burial*, 1844), «Падение дома Ашеров» (*The Fall of the House of Usher*, 1839), где повествуется о катаlepsии – страхе быть похороненным заживо.

В рассказе «Преждевременные похороны», как и во многих других произведениях Э. А. По, повествование ведет герой-рассказчик, который, по его собственному признанию, страдает катаlepsией. Он утверждает, что захоронение заживо – «чудовищнее всех ужасов», которые случаются с человеком, временно утратившим свои жизненные признаки, и вопрос только в том, куда уходит душа в этот момент. Для убедительности рассказчик повествует об известных ему случаях с людьми, которые, будучи похороненными живыми, впоследствии оказались спасенными.

Структура рассказа напоминает коллаж из историй о погребенных заживо и удачно спасенных, а также мыслей, ощущений, размышлений собственно героя-повествователя. Схожая поэтика прослеживается в таких рассказах Э. А. По, как «Человек толпы», «Бес противоречия» и др. Исследователь Оливер Тирл отмечает: «Новаторское слияние дискурсивного эссе и художественного повествования у Э. По является прообразом медитативного стиля потока сознания в модернистской литературе двадцатого века, где сюжет менее важен, чем отдельные детали и субъективные размышления» [5].

Не случайно акцент в рассказе «Преждевременные похороны» сделан на личном страхе больного катаlepsией рассказчика, навязчивые мысли о возможности быть похороненным заживо превращают мужчину в параноика. Э. По важно психологически точно передать

страх и тревоги героя, которые, превращая его жизнь в постоянное невыносимое ожидание смерти, медленно убивают несчастного. Герой фактически перестал выходить из дома, кроме как в компанию близких друзей. Рассказчик понимает, что страх перед страхом смерти сам по себе является чем-то вроде преждевременного захоронения, семантика названия произведения усиливает эти страхи.

Логически выстроенный внутренний монолог героя Э. По (монолог «про себя»), в котором отражена эмоционально-мыслительная жизнь повествователя в момент ее протекания, в кульминационной точке рассказа перетекает в монолог алогичный. Можно сказать, что проза Э. По в какой-то степени стала предтечей техники письма модернистской литературы с ее «потоком сознания». Сон героя на небольшом шлюпе, груженном огородной землей, представлен писателем как преждевременное погребение безо всяких мер предосторожности, на которые так рассчитывал герой. Динамика лихорадочных размышлений персонажа резко меняет его настроение, он раздражен и негодует: «Отчаяние, подобного которому никакое иное бедствие не может вызвать, – только отчаяние дало мне наконец решимость поднять отяжелевшие веки. Я открыл глаза. Было темно... тьма-тьмуца. Я чувствовал, что приступ прошел. Я знал, что перелом в ходе болезни давно наступил. Я понимал, что зрение восстановлено, но не видел ни зги – одна только тьма, непроглядность и беспросветность вечной ночи.

Я крикнул было, но губы и присохший к гортани язык судорожно силились издать крик, а голоса не было; легкие сдавило, словно на грудь мне взвалили целую гору, я задыхался, каждый глоток воздуха стоил таких усилий, что сердце заходило» [6, с. 512]. Возбужденное сознание персонажа выхватывает только ключевую информацию. Односоставные глагольные и номинативные предложения усиливают фрагментарность и эмоциональность. Ассоциативность потока сознания героя-рассказчика вызвана обонятельными, зрительными, слуховыми впечатлениями после просыпания «в какой-то плохонькой безымянной могиле» [6, с. 513], все причинно-следственные связи ощущений героя нарушены. И только слуховое впечатление – грубые голоса команды шлюпа – кардинально меняет ход мысли рассказчика, вернув его в реальный мир.

Представленная Э. По экзистенциально сложная ситуация героя передана автором эмоционально-напряженно через сознание персонажа. Развязка параноидальной истории героя имеет, как оказалось, вполне рациональное логическое объяснение: «Мы с другом от-

правились поохотиться за несколько миль вниз по течению Джеймс-ривер. К ночи нас настигла гроза. Единственным укрытием поблизости оказалась каюта стоявшего на якоре небольшого шлюпа, груженного огородной землей. Устроившись поудобней, мы заночевали на шлюпе. Я улегся на койке, которых на этой посудине и было-то всего две, а что за ложе на шлюпе в шестьдесят-семьдесят тонн водоизмещения, понятно без слов. Там, где я улегся, даже и подстилки не было. <...> И я еле втиснулся туда. Но заснул крепко, и все, что мне представилось, было не сном, не наваждением, а естественным следствием положения, в котором я очутился, моей навязчивой идеи и того, как долго и мучительно не могу я обычно прийти в себя и особенно овладеть памятью после сна. Выволокли меня люди оказались командой шлюпа и рабочими, которых подрядили сгрузить землю. От этого груза и пахло землей. Повязка, которой я был затянут под подбородком, оказалась шелковым платком, которым я повязался за неимением ночного колпака, спать без которого не привык» [6, с. 513].

Инцидент на шлюпе окончательно избавляет героя-рассказчика от страха перед страхом быть похороненным живым. Повествователь отмечает, что его «опыт» преждевременного захоронения является ложным и в то же время эмоционально шокирующим по причине реально испытанного им страха. Герой-рассказчик Э. По полностью излечивается от каталепсии: «С той памятной ночи я навсегда избавился от страхов перед могилой, а с ними и от каталепсии, которая была скорее их следствием, нежели причиной» [6, с. 514]. Таким необычным образом Э. По заставляет читателя задуматься над вопросом – физическое тело управляет разумом или разум повелевает телом?

Чтобы высмеять опасения рассказчика по поводу страха преждевременного погребения, Э. По включает в рассказ легкий юмор. Вот как автор описывает момент пробуждения в шлюпе: четверо мужчин прерывают панический крик героя-рассказчика и спрашивают: «– Эй! Эй, ты, – отозвался чей-то грубый голос.

– Что еще за чертовщина? – произнес второй.

– А ну, вылезай! – сказал третий.

– Что ты орешь как резаный? – проговорил четвертый, и тут меня схватили, рванули безо всяких церемоний, – и я мигом очутился в обществе самого грубого мужичья. Очнулся я от забытья сам, и уже бодрствовал, а теперь, очутившись перед ними, вспомнил все как было» [6, с. 513]. (В оригинальном тексте мы читаем: «What do you mean by yowling in that ere kind of

style, like a cattymount» [7]). Комическая сцена с грубыми голосами напуганных якобы «воем дикой кошки» матросов в шлюпе с землей приносит в рассказ легкий юмор и возвращает читателя в реалистический мир жизни. Правда, Э. По не всегда возвращает своего обеспокоенного экзистенциальными размышлениями героя в реальный мир. В рассказе «Преждевременные похороны» доминирует сознательное рациональное начало.

Финал рассказа демонстрирует рационально логический уровень сознания персонажа, подсознательные элементы тут играют второстепенную роль. Мы наблюдаем, как именно внешние реалии (шлюп с землей, матросы, наемные грузчики, шелковый платок) активизировали и предельно деформировали подсознательные процессы в сознании героя, создавшего свой личный образ окружающего мира – «царство подземной ночи» [6, с. 513].

Благополучный конец истории героя опровергает семантику названия рассказа «Преждевременные похороны» и содержит определенное дидактическое предостережение рассказчика читателю: «тех демонов, <...>, их нельзя будить, а то они пожрут нас; да починут они самым непробудным сном, иначе нам несдобровать» [6, с. 514]. Безусловно, впечатлительный герой-рассказчик, начитавшись страшных историй о заживо погребенных людях, заявляет, что человеческий разум / сознание есть довольно сложный и непознанный механизм, способный повергнуть человека в пучины страха о «гробовых ужасах» таинственной Преисподней, в параноидальную тревожность и подозрительность, в мир чудовищных мистических видений и таким образом уничтожить его. Рассказ «Преждевременные похороны» не типичен для творческой манеры Э. По, когда герой побеждает своих внутренних подсознательных демонов и предостерегает читателя от чрезмерного увлечения экзистенциальным пограничьем: «Границы между жизнью и смертью темны и очень приближительны. Кто скажет, где кончается одна и начинается другая?» [6, с. 504]. Возможно, нетипичность рассказа связана с биографией самого писателя, его эмоциональными взлетами и падениями, которые переживал Э. По на протяжении всей своей жизни. Если герой-рассказчик в «Преждевременные похороны» сумел победить свои «страхи перед могилой», то персонажи рассказов «Маска красной смерти», «Лигейя» и «Факты в деле М. Вальдемара» смиренно принимают страх перед страхом смерти как неизбежную реальность.

Изучению глубинных процессов в подсознании человека посвящен рассказ американского писателя Кларка Эштона Смита (1893–1961)

«Вторичное погребение» (The Second Interment, 1933). К. Э. Смит начал писать под влиянием восточных сказок «Тысяча и одна ночь» и фантастической повести У. Бекфорда «Ватек». В тринадцать лет юный писатель открывает для себя произведения Э. А. По, которые сильно повлияли на становление творческой манеры будущего писателя. Период с 1929 по 1937 г. был самым продуктивным для К. Э. Смита – он написал около 100 рассказов и новелл. Наряду с Р. Э. Говардом и Г. Ф. Лавкрафтом К. Э. Смит был третьим крупным писателем, публиковавшимся в популярном американском журнале «Weird Tales», где печатались произведения в жанре мистики, фэнтези и научной фантастики [8]. Талантливый поэт, художник и скульптор, К. Э. Смит своими мрачными фэнтезийными и научно-фантастическими рассказами оказал существенное влияние на формирование фантастической литературы и литературы ужасов США.

Герой К. Э. Смита («Вторичное погребение»), в отличие от персонажа рассказа Э. По («Преждевременные похороны»), уже имел опыт преждевременного погребения, о чем говорит само название произведения. Граф Юз Магбен «всегда боялся смерти, даже в детстве. Это началось с кончины матери, и с тех пор парящая жуткая тень из мертвых пустошей ада кружилась над ним, как хищная птица. Она омрачала и затемняла дни его жизни. Она отделяла графа от тех радостей мира, которые были доступны для других людей. И его воображение, патологически острое и подозрительное, видело во всем лишь знаки угасания: опавшие лепестки вместо цветов, морщины и тлен вместо соблазнительных женщин. Какая же это жизнь, если даже поцелуи юношеской любви отдавали привкусом гниения?» [9, с.162]. Навязчивая идея смерти преследовала героя всю жизнь: «Как чародей, созерцающий черный кристалл, он представлял себе подробности физической и духовной смерти – причем, так ясно и четко, словно уже лежал в забвении могилы» [9, с. 162].

Накануне собственной женитьбы графа поражает странная болезнь, которая медленно вводит героя в каталептическое состояние. Родные, сочтя его мертвым, хоронят заживо, но граф просыпается спустя несколько минут после погребения. Отчаянный стук и ужасные крики о помощи на этот раз спасают героя. В течение следующих трех лет графа Юза преследует пережитое им страшное происшествие, он одержим смертью, и это отдаляет от него друзей и невесту. Новое заболевание героя вызывает ужас перед повторным погребением, и в его гробу устанавливается система сигнализации с кнопкой тревоги.

Главное место в произведении К. Э. Смита, как и в прозе Э. А. По, занимает описание ощущений и переживаний героев, чтобы показать психику человека изнутри, как неподконтрольный и текучий процесс, с тончайшей фиксацией чувств, мыслей, бессознательных импульсов. Писатель исследует сложнейшие процессы в сознании, свойства бессознательного (инстинкты, потребности, ощущения, фантазии, сны), ассоциативные связи в состоянии полусна, полужизни. К. Э. Смит использует яркие эпитеты и витиеватые фразы, возбуждающие чувства, призванные отвлечь читателя от реальности и всецело погрузиться в тягостные переживания героя, чтобы передать атмосферу его страха перед страхом погребения. Все в рассказе «Вторичное погребение» пропитано атмосферой смерти и увядания, по сути граф Магбен еще при жизни был «погребен» в своей комнате. Текст рассказа насыщен множеством ярких метафор о смерти от удушья, о жизни в страхе перед смертью в тесном пространстве: «его спальня превратилась в узкий и тесный пенал»; «часы тянулись, как шеренга трупов, а он лежал в плену погребальных мыслей, и день угасал поминальной свечой» [9, с. 164]. Подсознание героя, спровоцированное внешними событиями, направлено на фиксацию сложных чувственных переживаний, на трагедию разрушенного сознания. Деструктивные образы реальности в сознании графа драматичны для его психики, его повторно хоронят заживо, а установленная сигнализация не срабатывает.

Писатель подробно описывает агонию смерти героя и его лихорадочные предположения о том, что брат персонажа, который унаследует семейное богатство, стоит каким-то образом за его роковыми несчастьями. Паралич, охвативший тело графа в могиле, не позволяет ему шевелиться и говорить, и еще живое сознание графа заперто в первую очередь в его теле. Плоть героя, не повинуюсь разуму, становится его гробницей, происходит, как утверждает Э. Мангам, «конфликт между бодрствованием ума и дремлющим телом» [10, с. 4]. Тем самым К. Э. Смит подчеркивает факт двойного погребения – разум / сознание, запертый в теле, и тело, похороненное в усыпальнице. Это усиливает эффект воздействия прозы писателя на читателя.

Исследователи творчества К. Э. Смита отмечали его мастерское владение богатым, ярким языком. Писатель щедро использовал все ресурсы своего удивительно красочного словарного запаса для создания фантастических миров. Произведение «Вторичное погребение» – это, безусловно, мучительно болезненный рассказ-исповедь о невротической фобии героя. Следу-

ет обратить внимание на отсутствие всезнающего автора в произведении, он самоустраняется из активного действия, а значит читатель остается наедине с героем, обладающим независимым сознанием. Мы можем говорить об определенном движении сознания героя, где вербальными средствами передается невербальный смысл его сознания. Внутренняя форма слова очень существенна для писателя, поэтому К. Э. Смит внимательно подходит к выбору языковых средств, к языковой динамике и плотности, ибо каждый языковой элемент представляет собой «смысловой сдвиг» [11, с. 136] в сознании персонажа и в сознании читателя.

Важно отметить, что в основе литературы ужасов лежит способность масштабно исполь-

зовать один из самых основных инстинктов человечества – страх. Новые медицинские знания о каталепсии предоставили возможность художественной литературе актуализировать идею о том, что, вероятно, существует некая таинственная пограничная зона между двумя мирами Жизни и Смерти. Представленное в художественной прозе американских писателей живое погребение, безусловно, является сверхъестественным и ужасающим, оно художественно моделирует определенный диалог между миром живых и мертвых, который никогда не происходит в реальности, и актуализирует проблему взаимоотношений между нефизической ментальной субстанцией и физическим материальным миром.

ЛИТЕРАТУРА

1. Meier, A. C. The Fear of Being Buried Alive (and How to Prevent It) [Electronic resource] / A. C. Meier // <https://daily.jstor.org> – Mode of access: <https://daily.jstor.org/the-fear-of-being-buried-alive-and-how-to-prevent-it/#:~:text=It%20even%20has%20a%20name,the%20Prevention%20of%20Premature%20Burial> – Date of access: 05.04.2024.
2. Закс, Л. А. Художественное сознание / Л. А. Закс. – Свердловск : Уральский ун-т, 1990. – 212 с.
3. Behlmer, George K. Grave Doubts: Victorian Medicine, Moral Panic, and the Signs of Death / George K. Behlmer // *Journal of British Studies*. – 2003. – Vol. 42, No. 2. – P. 206–235.
4. Parsons, B. Premature Burial and the Undertakers [Electronic resource] / B. Parsons // <https://www.researchgate.net> – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/319905525_Premature_Burial_and_the_Undertakers – Date of access: 05.04.2024.
5. Tearle, O. A Summary and Analysis of Edgar Allan Poe's 'The Premature Burial' [Electronic resource] / O. Tearle // <https://interestingliterature.com> – Mode of access: <https://interestingliterature.com/2020/06/edgar-allan-poe-premature-burial-summary-analysis/> – Date of access: 05.04.2024.
6. По, Э. А. Преждевременные похороны / Э. А. По // Полное собрание рассказов. – М. : Наука, 1970. – С. 504–514.
7. Poe, E. A. The Premature Burial [Electronic resource] / E. A. Poe // <https://etc.usf.edu> – Mode of access: <https://etc.usf.edu/lit2go/147/the-works-of-edgar-allan-poe/5360/the-premature-burial/> – Date of access: 05.04.2024.
8. Gullette, A. Clark Ashton Smith Biography [Electronic resource] / A. Gullette // <http://www.eldritchdark.com> – Mode of access: <http://www.eldritchdark.com/articles/biographies/36/clark-ashton-smith-biography> – Date of access: 05.04.2024.
9. Смит, К. Э. Вторичное погребение / К. Э. Смит // Черный человек: Американская готика. XX век. – М. ; СПб., 2003. – С. 485–571.
10. Mangham, A. Buried Alive: The Gothic Awakening of Taphophobia [Electronic resource] / A. Mangham // *Journal of Literature and Science*. – 2010. – Vol. 3, No. 1. – P. 10–22. – Mode of access: https://www.literatureandscience.org/issues/JLS_3_1/JLS_vol_3_no_1_Mangham.pdf – Date of access: 05.04.2024.
11. Лосев, А. Ф. Поток сознания и язык / А. Ф. Лосев // Знак. Символ. Миф. – М. : Изд-во МГУ, 1982. – 475 с.

REFERENCES

1. Meier, A. C. The Fear of Being Buried Alive (and How to Prevent It) [Electronic resource] / A. C. Meier // <https://daily.jstor.org> – Mode of access: <https://daily.jstor.org/the-fear-of-being-buried-alive-and-how-to-prevent-it/#:~:text=It%20even%20has%20a%20name,the%20Prevention%20of%20Premature%20Burial> – Date of access: 05.04.2024.
2. Zaks, L. A. Hudozhestvennoe soznanie / L. A. Zaks. – Sverdlovsk : Ural'skij un-t, 1990. – 212 s.
3. Behlmer, George K. Grave Doubts: Victorian Medicine, Moral Panic, and the Signs of Death / George K. Behlmer // *Journal of British Studies*. – 2003. – Vol. 42, No. 2. – P. 206–235.
4. Parsons, B. Premature Burial and the Undertakers [Electronic resource] / B. Parsons // <https://www.researchgate.net> – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/319905525_Premature_Burial_and_the_Undertakers – Date of access: 05.04.2024.
5. Tearle, O. A Summary and Analysis of Edgar Allan Poe's 'The Premature Burial' [Electronic resource] / O. Tearle // <https://interestingliterature.com> – Mode of access: <https://interestingliterature.com/2020/06/edgar-allan-poe-premature-burial-summary-analysis/> – Date of access: 05.04.2024.
6. Po, E. A. Prezhdevremennye pohorony / E. A. Po // *Polnoe sobranie rasskazov*. – M. : Nauka, 1970. – S. 504–514.
7. Poe, E. A. The Premature Burial [Electronic resource] / E. A. Poe // <https://etc.usf.edu> – Mode of access: <https://etc.usf.edu/lit2go/147/the-works-of-edgar-allan-poe/5360/the-premature-burial/> – Date of access: 05.04.2024.
8. Gullette, A. Clark Ashton Smith Biography [Electronic resource] / A. Gullette // <http://www.eldritchdark.com> – Mode of access: <http://www.eldritchdark.com/articles/biographies/36/clark-ashton-smith-biography> – Date of access: 05.04.2024.
9. Smit, K. E. Vtorichnoe pogrebenie / K. E. Smit // *Chernyj chelovek: Amerikanskaya gotika. HH vek*. – M. ; SPb., 2003. – S. 485–571.
10. Mangham, A. Buried Alive: The Gothic Awakening of Taphophobia [Electronic resource] / A. Mangham // *Journal of Literature and Science*. – 2010. – Vol. 3, No. 1. – P. 10–22. – Mode of access: https://www.literatureandscience.org/issues/JLS_3_1/JLS_vol_3_no_1_Mangham.pdf – Date of access: 05.04.2024.
11. Losev, A. F. Potok soznaniya i yazyk / A. F. Losev // *Znak. Simvol. Mif*. – M. : Izd-vo MGU, 1982. – 475 s.